

«ОТ ВЕЛИКОГО ДО СМЕШНОГО...»: НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ К ПОРТРЕТУ *POPULUS RIDICULAM* ПРИ ДВОРЕ ПЕТРА I

С привлечением ранее не публиковавшихся архивных материалов исследуются некоторые стороны повседневной жизни профессиональных участников увеселений при дворе Петра I – шутов и карликов.

Ключевые слова: петровская эпоха, двор монарха, смеховая культура, шуты.

Хорошо известно пристрастие Петра I к различным, часто весьма масштабным смеховым действиям. В опубликованных источниках, прежде всего дневниках и мемуарах иностранных дипломатов (И. Корба, Ю. Юля, Ф.-В. Берхгольца и др.), постоянно вращавшихся при дворе, сохранилось большое количество весьма ярких зарисовок таких действий, в которых принимали участие как видные сановники, включенные царем в состав так называемого всешутейшего и всепьянейшего собора, так и люди, для которых смех являлся основной профессией, так сказать, *populus ridiculam* (смешные люди (лат.)): шуты, карлики, великаны, арапы.

Само обилие смеха в жизни Петра I объясняется его компенсаторной психологической функцией. По определению А. Г. Козинцева, смех – это знак коллективной негативистской игры против культуры как свода обременительных правил и запретов [1, с. 28]. Смех означает «мгновенный прорыв (но не отмену!) внутреннего запрета, разрешение сделать то, что не может быть разрешено: сбросить с плеч всю ношу, которую человечество взвалило на себя в процессе антропогенеза, опуститься на более низкий уровень, подобно тому, как дети время от времени сбрасывают с плеч то, чему их учили, вовсе того не забывая» [1, с. 29]. И еще: «Смех не просто позволяет нам временно и коллективно блокировать речь, остановить мысль, прервать культурно-обусловленное действие и вообще „отменить“ культуру; дождавшись момента и вырвавшись на волю, он лишает воли нас самих, запрещает нам оценивать ситуацию соответственно нормам морали, здравого смысла и этикета. Тогда наступает мгновенное (и вынужденное) освобождение от этих норм, от связанного с ними напряжения, от необходимости мыслить, сострадать, подчиняться, усваивать знания, прилагать усилия, вообще адаптироваться к реальности. Даже от необходимости комбинировать символы, то есть говорить!» [1, с. 35].

Пародийно-кошунственные акции всешутейшего собора, как и выходки разного рода шутов в его окружении (качество смеха, а также само количество которых удивляли европейцев), служили компенсаторным механизмом для психики Петра, по-

зволяя если не полностью избавиться, то значительно снизить прессинг со стороны культурных и религиозных норм, постоянно нарушаемых царем-реформатором (недаром столь богата смехом и жизнь другого российского монарха-ниспровергателя – Ивана Грозного). Смех Петра – явления на стыке западной и русской традиций, носившее к тому же явственный отпечаток нестандартной личности царя-реформатора. Здесь и жесткий прессинг по отношению к подданным (развлечения в петровской России, как и работа, часто носили принудительный характер), и попытка решить собственные психологические проблемы за чужой счет (многие проявления царского смеха подпадают под определение С. С. Аверинцевым как смеха хамского, циничного, «нормального» для авторитарного общества [2, с. 11]), и стремление свести воедино европейские и русские явления культурной и политической жизни (о специфике отечественной версии смеха раннего Нового времени в сравнении с европейским см. [3]). Особенности петровской смеховой культуры охарактеризованы в [4]. О различиях смеха Петра I и Ивана Грозного в связи с принципиальными отличиями их социально-психологических идентичностей см. [5]).

При этом сами *populus ridiculam*, как правило, и в источниках, и в исследованиях остаются лишь статистами, чьи имена упоминаются только в связи с участием в тех или иных праздничных мероприятиях. Однако за этими упоминаниями, сделанными вскользь, стоят живые люди, чьи дела и заботы не так уж сильно отличались от таковых у людей серьезных, тем более что в силу специфики времени шуты могли одновременно занимать и вполне официальные должности (в список петровских шутов Ф. И. Страленберга включены следующие лица: Никита Моисеевич Зотов, знаменитый князь-папа, а также начальник царской походной канцелярии, Яков Тургенев, Филат Шанской, Алексей Никифорович Ленин (в 1693 г. был стряпчим), князь Юрий Федорович Шаховской (с 1711 г. главный гевальдигер – начальник военной полиции), Алексей Иванович Тараканов (стольник, сенатор в 1728 г.), Кирсантевич (?) и Андрей Иванович Ушаков (граф, генерал-аншеф, начальник Тайной

канцелярии, правитель Рекрутской канцелярии). По комментарию Страленберга, «последний, говорят, самый лучший, потому что без указа ни над кем не смеялся, а всегда искал, как бы Петра позабавить, и многим добрые услуги оказывал, через что стал всем приятный и богатый. А из иностранных Лефорт, а после него Ягушинский, человек доброго разума, Пётр его достойно жаловал за многие службы, и никто обоснованно не мог на него пожаловаться» [6, с. 118, 316]. И это не только российская практика. Как отмечает В. П. Даркевич, и в Европе «случалось, что владетельные особы возводили придворных буфонов в ранг министров и советников» [7, с. 153].). В связи с этим цель данной статьи – дать некоторое представление о повседневной жизни «шутовского персонала» царского двора времен царя-реформатора, опираясь на архивный материал, большей частью не использованный историками. Речь идет о входящих и исходящих документах, отложившихся в фонде № 9 (так называемый Кабинет Петра I) Российского государственного архива древних актов.

О распространенности моды на карликов и «уродов» в среде российской элиты петровского времени красноречиво говорит «Роспись карлам что на Москве» от 1710 г.: «В Преображенском на государевом дворе – 2; у царицы Парасковии Феодоровны – 2; у царицы Марфа Матвеевны – 2; у Шеина – 1; у Алексея Петровича Салтыкова – 2; у князь Петра Хованского – 1; у князя Бориса Прозоровского – 1; у Андрея Апраксина – 1; у Александра Львовича Нарышкина – 2; у князь Фёдора Юрьевича – 1; у адмирала – 1; у Петра Шафировва – 1; у Нелединского – 1; у князь Михайла Михайловича Голицина – 1; у Ивана Ивановича Бутурлина – 1; у Ивана Нарышкина – 3; у Никиты Моисеевича (Зотова. – *О. М.*) – 1; у Гаврила Ивановича (Головкина. – *О. М.*) – 2; у князь Петра Долгокурова – 2; у князь Матвея Гагарина – 1; у князь Михайла Алегукевича (Черкасского. – *О. М.*) – 2; у князь Фёдора Голицина – 1; у Андрея Артемоновича Матвеева – 2;

Уроды: у царицы Марфы Матвеевны – 1; у царицы Парасковии Феодоровны – 1; у царевны Марьи Алексеевны – 1; у Гаврила Ивановича – 2; у князь Матвея Гагарина – 1; у Строганова – 1» [8, л. 191–191 об.].

Но, конечно, наибольшее число их находилось при царском дворе. Шуты и карлы официально состояли на службе, получали жалование, строили дома, обзаводились семьями, становились участниками судебных разбирательств. Вот только несколько любопытных зарисовок.

Если те или иные вельможи могли, как о том пишет Страленберг, выступать в качестве шутов (особо известен в этом качестве упомянутый плен-

ным шведом князь Шаховской), то и профессиональные шуты время от времени выполняли пусть мелкие, но серьезные поручения, как и все петровские придворные. Так, в апреле 1718 г. царский любимый карла Лука Чистихин отдал в починку иноземцу Избранту из государева зимнего дома семь табакерок государских. Они были починены, за что мастер получил семь рублей с полтиной [9, л. 4].

Другой карла, Яким Волков, 2 апреля 1720 г. передал следующее распоряжение, скорей всего, исходившее от самого царя: «В артиллерскую канцелярию ведение. Надлежит принять в дом его царского величества на Язу на два торншхойта на два буера к пушкам пороху головного, бочка весом в три пуда, картузной бумаги полстопы, фитиллю полпуда» [10, л. 281].

Постоянно занятый решением сразу нескольких дел, Пётр часто использовал в качестве гонца или порученца первого подвернувшегося к нему человека, как видно из приведенных примеров, невзирая на их физическую статью.

Лука Чистихин неоднократно беспокоил официальные инстанции по хозяйственным нуждам, типичным для столичных жителей беспокойного петровского царствования. Как видно из его челобитной, поданной, видимо, в начале 1720 г., указом «царского величества» ему было велено «строить хоромное строение по архитектуре подле реки Мье (Мойки. – *О. М.*), а построить оно нечем». В связи с этим Лука просил государя «на то строение пожаловать мне денег или из казны своей построить» [10, л. 44]. (Сейчас на этом месте находится Музей печати, расположившийся в бывшем доходном доме, до революции сменившем ряд владельцев (одним из них был известный издатель А. А. Суворин) [11].) Петр, видимо, милостиво отозвался на просьбу любимца. 26 февраля 1720 г. велено было построить дом за счет казны, что было делом весьма хлопотным: «Надлежит изготовить припасов к строению для зачатия каменного дому карлы Луки.

1. 20 сажень кубических плитного камня на фундамент
2. на все строение кирпичей 220000
3. 1000 бочек серой извести
4. 20 бочек извести кипелки
- 12 сажень кубических тесу
- 180 бревен длиною 3 сажень толщиной в 4 и в 8 дюймов
- 5 пудов крупяного железа для бития свай.

Понеже для строения сего домику учинен чертеж которой изволил смотреть сам его царское величество и подписав своєю рукою изволил отдать господину Девиеру (столичному генерал-полицейстеру. – *О. М.*) того для испросить оног надоб-

но материал покупать и подрезать по сей росписи ис полицеймейстерской канцелярии а денги на оные давать ис кабинетных денег и о том в полицеймейстерскую канцелярию отписать однакож те материалы покупать кроме кирпича а именно о том кирпиче писать чтоб отпустить из Городовой канцелярии толко какие под оной подводы на чем везть поставить и для того сыскивать заранее извозчиков, а о извести доложить Государыне Царице» [10, л. 14–14 об.].

Эпопея продолжалась не один месяц, вовлекая все новые и новые официальные лица достаточно высокого ранга, как видно из уже приведенного документа. Только в начале мая от майора Рыкунова было подано «ведение» о вывозе кирпича для дома карлы Луки: «1720 году мая в 1-й день ведение коликое число вывезено кирпичу с новых заводов к строению дому карлы Луки и по какой цене явствует ниже сего...

Генерала адмирала дому ево служитель Афанасей Венгеров вывез восм тысяч, ямщик Данила Короткой с товарищи двадцать две тысячи восм сот и того тритцать тысяч восм сот ценою по одному рублю за тысячу и того им денег дано по подряду за возку оног кирпича тритцать рублей дватцать шесть алтын четыре денги и с приему денег которые приниманы в канцелярии Соляного правления пятьдесят рублей востатке оных денег девятнатцать рублей шесть алтын четыре денги» [10, л. 342].

Строительством дома проблемы Чистихина не ограничивались. 22 января 1723 г. он подал доношение в кабинет его величества: «Понеже я ниже именованный напрошедшей 1722 год жалования не получал того ради прошу дабы мне оное жалованье повелено было выдать. О сем просил Лука карла». Внизу доношения стоит помета «справитца» [12, л. 223]. Это одна из самых распространенных тем челобитных – жалование даже придворным лицам (как рослым, так и маленьким) выплачивалось крайне нерегулярно, постоянно приходилось напоминать о себе. Е. В. Анисимов отмечает, что жалование даже для чиновников центральных государственных учреждений при Петре так и не приобрело характер регулярных выплат, так что его надо было каждый раз выпрашивать путем подачи челобитных. Недаром само понятие «жалование» близко по смыслу к понятиям «жаловать», «наградить» [13, л. 83–84].

Ниже находим следующую записку: «В Канторе Соляного правления под сим подписать, на прошлой 1722 год карле Луке Частихину по генеральной росписи, жалованье в Москве или в Санкт Питербурхе выданоль, или недано, и для чего, и подписав прислать в кабинет его императорского величества. Писарь Иван Григорев. В 31 генваря 1723 г.»

К Соляной конторе обращались в случаях необходимости разных выплат по прошениям довольно часто, так как доходы от торговли солью, одна из важнейших статей, поступали напрямую в Кабинет его императорского величества [14, л. 289].

Еще ниже читаем: «По справке у Соляного правления с присланным реэстром каков прислан из Санкт Питербурха от комисарства Соляного правления декабря 1 дня прошлого 1722 году дано его императорского величества карле Луке Честихину окладу ль и оной дачи небыло... Справил Ефим Вареникин» [12, л. 224]. Скорей всего, после этого «расследования» жалование было выплачено.

Помимо официальной, жизнь придворных карл и шутов имела, как и у «серьезных» и «больших» людей, свою интимную составляющую. У них были семьи, включавшие родителей, братьев и сестер, а также и жен (хорошо известно пристрастие Петра I устраивать шутовские свадьбы, сопровождавшиеся заключением вполне официальных браков). При этом, как было принято для всех придворных, близкие родственники карл, шутов и арапов ставились на государственное довольствие (записывались в «роспись Генеральную»).

Согласно доношению Луки Чистихина от 1718 г., его матери, сестре и брату с женой было назначено жалования по 2 алтына в день, которого им не доставало, так как, по словам карлы, они «оною дачею пробавляютца с великою нуждою». Проблем добавлял тот факт, что к ним на постой поместили трех солдат, «и оные требуют дров свеч да по указу вашего величества спрашивают земли по осми алтын по две денги с сажени а дать нечего». Лука просил назначить родственникам годовое денежное и хлебное жалование «что ваше величество укажет». Внизу значится пометка «справитца с расходными книгами почему им на пищу и на дрова в день определено» [9, л. 94].

Со сходными проблемами материального плана столкнулся арап Николай Григорьев, доносивший в императорский кабинет следующее: «В прошлом 723-м году определен я нижайший раб в дом Его Императорскаго величества а годавова жалования не получал всепакорна прошуй вашего Императарскаго величества да повелит ваше Императарская величества мне нижайшему арапу годовое денежная жалования выдать.

Того ради всепакорна и униженно прошу милостиваго рассматрениа что я имею нужду всякаю в дравах и вавсем в дамашном житие. К сему прашению кабинетнаго дела ученик Пётр Шишковский вместа арапа Микалая Григорева по ево велению руку приложил» [15, л. 59]. (То, что арап не был обучен грамоте, неудивительно, поражает чудовищная даже по меркам того времени безграмотность «кабинетного дела ученика»!)

Под челобитной помета: «Вышеписанному арапу Николаю Григореву и другому Петру Артемеvu: велено купить дров каждому по три сажени для того что они с женами ис 7 дня асигнация дана в 4-е февраля 1724 г. а женам их велено написать в роспись Генеральную».

А в семье карлы Леонтия Семенова сына Черкизова случилась трагическая история, вполне характерная для того времени. Как сам он рассказывает в своей челобитной на высочайшее имя, 8 мая 1722 г. его родители Семен Трофимов сын Черкизов и Евфимия Петрова дочь из деревни Будовищи Белевского уезда, вотчины майора Ивана Степанова сына Юшкова, ездили на ярмарку вместе с товарищами из той же деревни Николаем Гастунским, Семеном Иевлевым по прозванию Мазура и Парфеном Алексеевым по прозванию Сухоев. Когда они возвращались домой, в урочище на речке Казелине напали на них «воровские люди и учили отца моего и мать бить смертным боем и грабить и при том смертном бое и грабежу взяли у отца моего и матери денег триста рублей». А товарищи при нападении «покинув отца моего и мать одних ушли незнамо для какова вымыслу» [16, л. 192–192 об.].

Вскоре на месте преступления появился белевский помещик Алексей Иванов сын Бунин со своими людьми и теми самыми ушедшими и схватили разбойников, причем Бунин вместе с родителями Черкизова отдал их поименованным товарищам, чтобы вести их в Белев [16, л. 192 об.]. Однако в город их так и не привели, «знатно оные товарищи с оными поимаными разбойники имели заодно согласие». На другой день тело отца Черкизова обнаружили на дороге, а тела матери так и не нашли [16, л. 193].

Брат карлы Леонтия Герасим уже подавал челобитье по этому поводу, после чего участники нападения – разбойник по прозванию Гусек с товарищами – были сысканы и приведены в Орел, где с пытки повинился в убийстве. Леонтий, пытаясь, так сказать, использовать свое служебное положение, т. е. близость к государю, просил императора приказать перевести разбойников и ведение дела из Орла в Москву «к лучшему решению, в которую канцелярию вашего величества указом повелено будет взять» [16, л. 193–193 об.].

«Высокопоставленные» шуты могли быть помещиками и в связи с этим вступать в земельные тяжбы. Известный «король Самоедский» Лакоста, являвшийся придворным церемониймейстером, доносил 29 апреля 1723 г., что в прошедшем 1721 г. «его императорского величество всемилостиво меня определили: островом которой нарицается

Гоглант и по такому всемилостивому определению послал аз сына своего чтоб он вышепомянутой остров принял». Однако капитан-поручик морского флота Ганс Агерсен «некоторой претенции имеет, зачем оной капитан поручик чинил мне в том и многие противности». Лакоста просил «оного дела следовать и меня б его императорского величество милостивым указом определить» [17, л. 552].

С именем и семьей Лакосты связана история, достойная пера Александра Дюма-отца. Караульный капрал Преображенского полка гренадерской роты Лука Рахманинов 17 апреля 1719 г. словесно объявил в Кабинете, что в двенадцатом часу пополудни, когда он стоял на часах при дворе его величества, близь двора закричали «караул». Он с солдатами схватил кричавших – лакостина «хлопца» (то есть, видимо, дворового человека) и работника, который жил у караульных бомбардиров, а также лекаря Лестока (будущего знаменитого лейб-медика императрицы Елизаветы Петровны), который, по словам Рахманинова, «вынимал шпагу и хотел их рубить, а за что незнают» [18, л. 327].

Хлопец Иван Панов в допросе показал, что Лакоста приказал ему стеречь, когда Лесток придет к его дочери, сидевшей за караулом, и поймать лекаря. Этой ночью Лесток объявился у хором кухмистера француза Матиса, где и находилась под надзором дочь церемониймейстера. Та вышла к нему, и они уединились в «заходе, которой у дверей тех хором и были там с полчаса». Когда лекарь вышел, Иван, как было велено, схватил его. В это время из караульной вышел работник, шедший «по огонь» в другую караульную избу и помог ему удержать Лестока, но тот вынул шпагу «наголо». Однако работник ее у него вырвал и закричал караул. А «девка с которою он был в заходе ушла к кухмистеру в ызбу» [18, л. 328–328 об.].

Допросили работника Афанасия Галкина. Его показания несколько расходились со словами Панова. По версии Галкина, он вышел к кухмистеру «по огонь», и когда пришел в сени, из захода вышел Лесток с «девкой» и «вынув шпагу наголо хотел ево колоть». Тогда он закричал караул, в это время прибежал Иван, они отняли шпагу и повели Лестока к караульне, а тут уже выбежали капрал с солдатами [18, л. 328 об. – 329].

Лесток выдвинул совсем иную версию. В тот день он спросил совета у П. И. Ягужинского, как бы ему помириться с Лакостой (видимо, ссора из-за дочери церемониймейстера началась ранее, вследствие чего нерадивая девица и оказалась «за караулом»). Сановник посоветовал написать шуту письмо и обещал его передать. Поужинав у Ивана Юрьевича Трубецкого, Лесток поехал к себе на

квартиру, но, проезжая мимо двора государя (а было уже 11 часов вечера), пошел повидаться с возлюбленной, чтобы посоветоваться, как лучше то письмо написать. Когда он пришел к дверям кухмистра, то «видел что заперто было». И тут на него напал «незнает какой детина в матроском платье, и с ним иных человека три или четыре», стали его бить и грабить, выхватили из кармана «футрал с ынструментами лекарскими», а лакостин хлопец поставил ему на горло полено и говорил другим, чтобы вынимали часы. Но карман был крепко застегнут, так что они только оторвали ключ от часов и отобрали шпагу, причем он ее не вынимал, и хлопец закричал караул. Капрал забрал его, Лестока, а грабителей отпустил, но вскоре те сами объявились. Свидетельницей грабежа, по утверждению лекаря, была некая Яганна, которая по мосту шла в хоромы Матиса, и жена последнего. И пока грабители были на свободе, они, видимо, парик и футляр Лестока спрятали или кому-то отдали [18, л. 330–331].

Лекарь отрицал факт разговора с лакостиной дочерью, правда, признавал, что раньше часто приходил к ней «потому что он имеет с нею любовь и хочет на ней женитца». А напавший на него хлопец раньше передавал между ними записки за деньги, но с неделю назад потребовал 10 червонных, угрожая все рассказать Лакосте. Лесток денег не дал, за что Панов «осердясь грозил ему Лештоку что будешь ты у нас вруках». Причем ныне этот хлопец у Лакосты не служит, так как тот с неделю уже «ево сослал от себя» [18, л. 331–331 об.].

В результате произошедшего будущий лейб-медик после нескольких месяцев заключения оказался в ссылке в Казани (так как царь счел его виновным), где и оставался до воцарения Екатерины I [19, с. 2]. (В несколько более сжатом виде эта история помещена в статье, посвященной Лештоку, в Русском биографическом словаре [20].)

Из всего вышесказанного следует, что общественное положение разного рода *populus ridiculam* в придворном обществе петровского времени было вполне стабильным и комфортным. Шуты, карлики, арапы являлись, по сути, равноправными представителями среды дворцовых служителей. (По

крайней мере для карл карьера придворного шута являлась в то время наиболее перспективной, так как в обычном мире человек со столь явными физическими изъянами вряд ли имел шансы на благополучную жизнь. Того же нельзя сказать об арапах или самоедах, которых насильно вырывали из привычной им обстановки, превращая в объекты царских увеселений.) Можно предположить, что роль объекта осмеяния являлась лишь их «работой», тогда как за ее пределами, по крайней мере при дворе, они могли не восприниматься как маргиналы. (Как отмечал М. М. Бахтин, шуты и дураки «были как бы постоянными, закрепленными в обычной (т. е. некарнавальной) жизни, носителями карнавального начала» [21, с. 13].) Как и в Европе, такой статус «смешных людей» уйдет в прошлое с наступлением Нового времени в связи с процессом цивилизации (в понимании Н. Элиаса) (см.: [22]). В эпоху барокко повышенный интерес к людям с нестандартной внешностью станет отражением тяги к сенсационности, т. е. произойдет «выхолащивание» карнавальной культуры, в рамках которой *populus ridiculam* являлись выразителями глубоко символического, мироустроительного содержания последней в угоду курьезной форме. (На угасание карнавального начала в европейской культуре Нового времени указывал М. М. Бахтин [21, с. 41–42].)

Тот факт, что европейские наблюдатели удивлялись обилию шутов при дворе Петра и грубости их шуток (см., например, отзыв датского посланника Ю. Юля [23, с. 85]), проговаривается об историческом отставании России на пути оцивизовывания, а также напоминает нам о специфике самодержавия, отличавшегося от западного абсолютизма повышенным уровнем авторитарности [см. об этом: 24] (при этом, безусловно, следует помнить и о специфике личности царя-реформатора, о чем упоминалось выше).

Приведенный в статье материал демонстрирует перспективность дальнейшего изучения роли *populus ridiculam* в придворной жизни раннего Нового времени не как явления, отклоняющегося от культурной нормы, но как ее неотъемлемой и, в особенности в петровскую эпоху, важной части.

Список литературы

1. Козинцев А. Г. Об истоках антиповедения, смеха и юмора (этнод о щекотке) // Смех: истоки и функции / под ред. А. Г. Козинцева. СПб.: Наука, 2002. С. 5–41.
2. Аверинцев С. С. и др. Бахтин, смех, христианская культура // М. М. Бахтин как философ. М.: Наука, 1992. С. 3–19.
3. Николаева И. Ю., Карагодина С. В. Природа смеха и природа власти Ивана Грозного и Козимо Медичи: сравнительный анализ в контексте раннеевропейских процессов перехода // Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований / под ред. Б. Г. Могильницкого. М.: ИВИ РАН, 2004. С. 119–145.
4. Мухин О. Н. Специфика петровской модернизации через призму игровых и смеховых черт эпохи // Полидисциплинарные технологии исследования модернизационных процессов / под ред. Б. Г. Могильницкого, И. Ю. Николаевой. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2005. С. 188–219.

5. Мухин О. Н. Пётр Великий vs. Иван Грозный: личность в контексте специфики российских процессов модернизации // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2011. Вып. 35. С. 153–174.
6. Страленберг Ф. И. Записки капитана Филиппа Иоганн Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого. Северная и восточная часть Европы и Азии: в 2 т. / сост. Е. А. Савельева, Ю. Н. Беспятных, В. Е. Возгрин. М.; Л.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1985. Т. 1. 230 с.
7. Даркевич В. П. Народная культура средневековья: светская праздничная жизнь в искусстве IX–XVI вв. М.: Наука, 1988. 344 с.
8. РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра I). Отд. I, оп. 2, ч. 1, кн. 29.
9. РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра I). Отд. II, оп. 3, ч. 3, кн. 39.
10. РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра I). Отд. II, оп. 3, ч. 3, кн. 50.
11. Дом М. П. Гау (наб. р. Мойки, 32) // Прогулки по Петербургу. Электрон. дан. (Б. м., б. г.). URL: <http://walkspb.ru/zd/moyka32.html> (дата обращения: 6.08.2013).
12. РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра I). Отд. II, оп. 4, ч. 2, кн. 65.
13. Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 332 с.
14. Троицкий С. М. Финансовая политика русского абсолютизма во второй половине XVII и XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.): сб. статей к 70-летию со дня рождения и 45-летию научной и педагогической деятельности Б. Б. Кафенгауза / отв. ред. Н. М. Дружинин. М.: Наука, 1964. С. 281–319.
15. РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра I). Отд. II, оп. 4, ч. 2, кн. 69.
16. РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра I). Отд. II, оп. 4, ч. 2, кн. 70.
17. РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра I). Отд. II, оп. 4, ч. 2, кн. 63.
18. РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра I). Отд. II, оп. 3, ч. 3, кн. 43.
19. Семевский М. Лесток // ЧОИДР. 1884. № 3. С. 1–18.
20. Русский биографический словарь: в 25 т. / под ред. Н. Д. Чечулина и М. Г. Курдюмова. СПб.: Тип. Гл. упр. делов, 1914. Т. 10. 846 с.
21. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Рабле. 2-е изд. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.
22. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования: пер. с нем.: в 2 т. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. Т. 2.
23. Юль Ю., Плейер О. Записки датского посланника в России при Петре Великом // Лавры Полтавы. М.: Фонд Сергея Дубова, 2001. С. 9–396.
24. Мухин О. Н. Абсолютизм vs самодержавие: еще раз к дефиниции понятий // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2013. Вып. 2 (130). С. 142–149.

Мухин О. Н., кандидат исторических наук, доцент, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: himan1@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 25.10.2013.

O. N. Mukhin

“FROM THE GREAT TO THE RIDICULOUS...”: A FEW SKETCHES TO THE PORTRAIT OF “POPULUS RIDICULAM” AT THE COURT OF PETER I

In the article, with the involvement of previously unpublished archival materials, some aspects of daily life of professional entertainments at the court of Peter I: buffoons and dwarves are investigated.

Key words: *Petrine era, courtyard of the monarch, the laughter culture, buffoons.*

References

1. Kozintsev A. G. About the origins of misbehavior, laughter and humor (study of tickling). *Laughter: The Origins and Functions*. Ed. by A. G. Kozincev. St. Petersburg, Nauka Publ., 2002. pp. 5–41 (in Russian).
2. Averintsev S. S. et al. Bakhtin, the laughter, the Christian culture. *M. M. Bakhtin as a philosopher*. Moscow, Nauka Publ., 1992. Pp. 3–19 (in Russian).
3. Nikolaeva I. Yu., Karagodina S. V. Nature of laughter and nature of the power of Ivan the Terrible and Cosimo de' Medici: A comparative analysis in the context of the Early Modern Europe transition process. *Interdisciplinary synthesis in history and social theory: theory, historiography and*

- practice of specific studies*. Ed. by B. G. Mogilnitskiy. Moscow, Institute of World History (Russian Academy of Sciences) Publ., 2004. pp. 119–145 (in Russian).
4. Mukhin O. N. Specificity of Peter the Great's modernization through the lens of game and comic traits of the epoch. *Multidisciplinary research of the technology of modernization processes*. Ed. B. G. Mogilnitskiy, I. Yu. Nikolaeva. Tomsk State Pedagogical University Publ., 2005. Pp. 188–219 (in Russian).
  5. Mukhin O. N. Peter the Great vs. Ivan the Terrible: the person in the context of the specific processes of modernization of Russian. *Dialogue with Time: Almanac intellectual history*, 2011, no. 35, pp. 153–174 (in Russian).
  6. Stralenberg F. I. *Notes of captain Philipp Johann Stralenberg about the history and geography of the Russian Empire of Peter the Great*. The northern and eastern part of Europe and Asia: in 2 volumes. Comp. E. A. Savelieva, U. N. Bespyatnykh, V. E. Vozgrin. Moscow; St. Petersburg, Institute of USSR History (USSR Academy of Sciences) Publ., 1985. Vol. 1. 230 p. (in Russian).
  7. Darkevich V. P. *Folk culture of the Middle Ages: a secular holiday life in IX–XVI centuries art*. Moscow, Nauka Publ., 1988. 344 p. (in Russian).
  8. Russian State Archive of Ancient Acts. F. 9 (Cabinet of Peter I). Dep. I, inv. 2, part 1, vol. 29 (in Russian).
  9. Russian State Archive of Ancient Acts. F. 9 (Cabinet of Peter I). Dep. II, inv. 3, part 3, vol. 39 (in Russian).
  10. Russian State Archive of Ancient Acts. F. 9 (Cabinet of Peter I). Dep. II, inv. 3, part 3, vol. 50 (in Russian).
  11. House of M. P. *Gau (River Moyka Embankment, 32)* [Electronic resource]. Walking around St. Petersburg. Electronic data. URL: <http://walkspb.ru/zd/moyka32.html> (accessed 6 august 2013) (in Russian).
  12. RGADA. F. 9. (Study of Peter I). Dep. II. Op. 4, part 2. Book 65. (in Russian).
  13. Anisimov E. V. *State transformations and autocracy of Peter the Great in the first quarter of XVIII century*. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 1997. 332 p. (in Russian).
  14. Troitskiy S. M. Financial Policy of Russian Absolutism in the second half of the XVII and XVIII century. *Absolutism in Russia (XVII–XVIII centuries). Com. of Articles on seventieth birthday and forty anniversary of research and teaching of B. B. Kafengauz*. Ed. by N. M. Druginin. Moscow, Nauka Publ., 1964. P. 281–319 (in Russian).
  15. Russian State Archive of Ancient Acts. F. 9 (Cabinet of Peter I). Dep. II, inv. 4, part 2, vol. 69 (in Russian).
  16. Russian State Archive of Ancient Acts. F. 9 (Cabinet of Peter I). Dep. II, inv. 4, part 2, vol. 70 (in Russian).
  17. Russian State Archive of Ancient Acts. F. 9 (Cabinet of Peter I). Dep. II, inv. 4, part 2, vol. 63 (in Russian).
  18. Russian State Archive of Ancient Acts. F. 9 (Cabinet of Peter I). Dep. II, inv. 3, part 3, vol. 43 (in Russian).
  19. Semevskii M. *Lestocq*. Readings in the Russian History and Antiquity, 1884, no. 3, pp. 1–18 (in Russian).
  20. Russian Biographical Dictionary: 25 vol. Ed. by N. D. Chechulin and M. G. Kurdyumov. St. Petersburg, Destinies main control Typography, 1914. Vol. 10. 846 p. (in Russian).
  21. Bakhtin M. M. *Creativity of Francois Rabelais and popular culture of the Middle Ages and the Renaissance*. 2-d ed. Moscow, Hudojestvennaya Literatura Publ., 1990. 543 p. (in Russian).
  22. Elias N. About the Process of Civilization. Sociogenetic and psycho-genetic research: 2 vol. Moscow; St. Petersburg, Universitetskaya Kniga Publ., 2001. Vol. 2 (in Russian).
  23. Yul Y. *Notes of Danish ambassador in Russia under Peter the Great. Laurels of Poltava*. Moscow, Sergey Dubov's Fund Publ., 2001. P. 9–396 (in Russian).
  24. Muhin O. N. Absolutism vs autocracy: returning to the definition of the concepts. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2013, no. 2 (130), pp. 142–149 (in Russian).

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: himan1@rambler.ru